

18+

Ольга Профит

Память

на вынос

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ольга Профит
Память на вынос

«Автор»

2026

Профит О.

Память на вынос / О. Профит — «Автор», 2026

В «Ломбарде 7» не берут золото. Здесь принимают воспоминания. Плохие — задёшево, хорошие — подороже. Димон пришёл, чтобы поправить дела, и поначалу всё шло неплохо: он избавился от боли, подзаработал, вздохнул свободнее. Но с каждым визитом продавать приходилось всё больше, а помнить себя — всё меньше. Когда он захотел выйти из игры, оказалось, что свои воспоминания уже проданы, а чужие, купленные на сдачу, ведут его куда-то в темноту. Кто он теперь — клиент или товар?

Содержание

Глава 1. «Зуб мудрости»	5
Глава 2. «Пустота на месте крика»	8
Глава 3. «Счастливый билет»	11
Глава 4. «Маша»	15
Глава 5. «Чувства на вынос»	20
Глава 6. «Покупатель чувств»	24
Глава 7. «Эхо в полости»	27
Глава 8. «Серёга»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ольга Профит

Память на вынос

Глава 1. «Зуб мудрости»

Часть 1

Телефон не зазвонил.

Димон открыл глаза и некоторое время смотрел в потолок, ожидая, когда мерзкая трель всё-таки разорвёт тишину. Потолок был в рыжих разводах — прошлой осенью протекла крыша, но хозяин квартиры только развёл руками и сказал что-то про погоду и божью волю. С тех пор разводы никуда не делись, только расползлись шире, захватив угол над кухонной дверью, и теперь напоминали карту какого-то несуществующего континента с рваными берегами и заливами цвета застарелой ржавчины.

Димон всегда ставил будильник на шесть пятнадцать — ровно столько времени хватало ему на то, чтобы успеть умыться, выпить кружку кофе и, выкатив из прихожей велосипед с жёлтым термोरюкзак, отправиться на смену. Он одновременно и любил и ненавидел это время, но привык, как привыкают к шраму или хромоте. Шесть пятнадцать означало начало очередного бессмысленного и тяжелого рабочего дня. Через час он сядет на велосипед, через два спина заночует от рюкзака. Это утреннее время принадлежало ему, весь оставшийся день — гребаной работе.

Тишина затягивалась. Он приподнялся на локте и посмотрел на тумбочку. Телефон лежал экраном вверх, чёрный и безжизненный. Шнур зарядки был смотан в кольцо, и Димон сразу заметил то, чего не заметил с вечера: оплётка лопнула у самого штекера, и из разрыва торчали тонкие медные жилы. Он взял шнур в пальцы, повертел. Внутри что-то болталось. Провод переломился, и телефон, оставшись без питания, за ночь просто разрядился в ноль.

— Чёрт, — сказал Димон вслух.

Он сел на кровати, пошевелил пальцами ног и нащупал тапки. Левый был с дыркой на большом пальце, правый без задника. Когда-то их носила мать, ещё до того как уехала в область ухаживать за больной тёткой и растворилась там окончательно, присылая только открытки на Новый год и изредка — деньги в конверте. Денег было мало, открыток становилось еще меньше, и Димон давно перестал ждать и того, и другого.

В ванной он умылся холодной водой, потому что горячую отключили на прошлой неделе на какие-то там профилактические работы, и долго рассматривал себя в мутном зеркале над раковиной. Из зеркала на него смотрел парень двадцати пяти лет с лицом человека, который спит по пять часов и ест в основном лапшу быстрого приготовления. Глаза припухшие, на подбородке — россыпь каких-то непонятных прыщей, волосы слиплись на затылке, потому что он забыл помыть голову третий вечер подряд. Ничего нового.

На кухне он включил чайник и долго стоял у окна, глядя во двор. Двор был пуст, если не считать одинокой собаки, которая деловито перебирала лапами содержимое опрокинутого мусорного бака. Собака выглядела бодрее самого Димона.

Чайник закипел и отключился со щелчком. Димон насыпал в кружку растворимого кофе — того самого, что продаётся в пакетиках по три рубля штука и пахнет жжёным сахаром пополам с бумагой, — залил кипятком и сделал глоток. Кофе был отвратительный, но горячий, и это хоть немного примиряло с действительностью.

Он допил кофе, оделся и, закинув на плечо лямку пустого желтого термोरюкзак, выкатил из прихожей старый велосипед. Дверь захлопнулась за спиной с глухим стуком, и Димон начал аккуратно спускаться по ступенькам, придерживая велосипед за раму и стараясь не обо-

драть крашеные стены. Руль то и дело норовил зацепиться за перила, а педаль предательски била по голени. Он спускался и привычно прикидывал, сколько у него осталось денег и сколько придётся отдать за новый шнур. Выходило мало и обидно.

Часть 2

Работа у Димона была простая. Он развозил еду. Жёлтый рюкзак за плечами, старый велосипед с вечно слетающей цепью. По дороге он заскочил в лавку у метро, купил новый шнур зарядки — простой, самый дешёвый, — и воткнул телефон в розетку прямо в подсобке, пока ждал первый заказ. Экран зажёгся, пошла зарядка. Приложение ожило и принялось строить маршруты через такие закоулки, куда нормальный человек не сунулся бы даже днём. Приложение считало, что Четвёртая Парковая проходима, а Шестая Советская существует. На деле первая упиралась в бетонный забор, а вторая была тупиком, где жили бродячие собаки и дед, коллекционирующий пластиковые бутылки.

Утром заказов было мало. Димон покрутился у кафе «Сытный двор», дождался своего пакета и покатил через весь район. Адрес оказался на окраине, в новостройках, где дома стояли так тесно, что даже в солнечный день между ними царил полумрак. Сейчас, в мартовской серости, там было и вовсе тоскливо: серое небо, серый асфальт, серые коробки домов, и только редкие окна светились желтоватым светом.

Дверь открыл мужчина с оплывшим лицом. Димон отметил про себя, что заказ уже оплачен, и молча протянул ему пакет. Мужчина взял его - без кивка, без «спасибо» - и дверь закрылась, отрезав запах жареного лука, который на секунду просочился на лестничную клетку. Димон постоял немного, чувствуя, как внутри шевелится глухое раздражение - даже не на этого мужика, а на все сразу, - и пошёл вниз.

Димон вышел из подъезда на крыльцо и закурил. Здесь же, прислонившись плечом к стене стоял Серёга. Они были знакомы шапочно, пересекались иногда на пересменке. Серёга был старше лет на десять, худее и какой-то более отстраненный, словно человек, который давно всё про себя понял и больше ни на что не обижается. Он курил, и смотрел в одну точку.

— Чего хмурый? — спросил Серёга, не поворачивая головы.

Димон прислонился к стене рядом. Можно было соврать что-то про телефон или про нехватку денег, но смысла не было.

— Да так, — сказал он, выпуская дым. — Всё достало. Денег вечно нет, работа эта... Крутишься как белка в колесе, а толку ноль. Иногда кажется, что так и будешь всю жизнь по чужим подъездам мотаться, пока не сдохнешь.

Серёга кивнул каким-то своим мыслям, затянулся и, выпустив струйку дыма, посмотрел на Димона оценивающе, словно прикидывал, стоит ли продолжать разговор.

— Слушай, Димон, а ты в ломбард когда-нибудь ходил? Нет, не в такой, где кольца и часы. Я про другой.

— В смысле — другой?

Серёга затянулся и заговорил тише, почти вполголоса, хотя вокруг никого не было.

— Есть тут один, на Зелёной улице, за хлебозаводом. Называется «Ломбард 7». Только вывески не ищи, нет там вывески. Просто дверь железная, ржавая. Постучи три раза, откроют. И берут они не вещи, Димон. Они берут воспоминания.

Димон хмыкнул. Серёга не шутил — это было видно по глазам.

— Я серьёзно. Ты приходишь и говоришь: вот это, из головы, мне не нужно. Или нужно, но деньги нужны сильнее. И они изымают. Я сам месяц назад ходил.

— И что ты продал? — спросил Димон.

— Удаление зуба мудрости, — Серёга постучал пальцем по челюсти. — Помню, что ходил в районную стоматологию, сидел в очереди. Знаю, что удалили, а как все прошло — не

помню. Больно было или нет, что я там чувствовал — вообще ничего не осталось, все — как отрезало.

— Но как же ты тогда рассказываешь? Если не помнишь?

— Да не тупи, — поморщился Серёга. — Языком трогаю — зуба нет. Знаю, что ходил к врачу, что сидел в очереди, что потом в ломбард пошёл и деньги получил. А сам процесс — стёрт. Как будто выдрали кусок из фильма, а сюжет остался. Понял?

Димон кивнул, хотя не совсем понял.

— И сколько дают?

— По-разному. За боль — нормально. За счастливые воспоминания — ещё больше. Говорят, богатые скупают. Им своего счастья не хватает, прикинь? А плохое — как экзотика, что-то вроде острых специй.

Серёга потушил окурок о подошву и закинул рюкзак за плечо. Уже уходя, обернулся и добавил:

— Главное, не бойся. Мужика там Шрамом кличут. Он конечно странный, но свое дело знает. Все сделает как надо. И заплатит, не кинет. Постучи три раза и жди.

Он ушёл, а Димон остался стоять во дворе. Ветер гонял по асфальту пустой пластиковый стаканчик, и тот катился, подпрыгивая, пока не застрял у ржавой водосточной трубы. У Димона внутри что-то медленно проворачивалось — тяжёлое, холодное, похожее на дверную ручку, которую берёшь, ещё не зная, что за дверью.

Глава 2. «Пустота на месте крика»

Часть 1

Прошло три недели. Мартовская серость сменилась апрельской — такой же серой, только с дождём. Димон сидел на кухне, помешивал ложечкой растворимый кофе и смотрел, как капли стекают по стеклу, сливаясь в кривые дорожки.

Телефон работал. Новый шнур зарядки, тот самый, чёрный и дешёвый, лежал на подоконнике. Деньги в кармане водились — не то чтобы много, но на жизнь хватало, и даже оставалось на сигареты не самые паршивые. А главное — внутри стало тихо. Не хорошо, не радостно, а именно тихо. Как будто кто-то выключил радио, которое бубнило годами где-то на заднем плане.

Он втянулся быстро. После того первого раза, когда Серёга рассказал ему про ржавую дверь за хлебозаводом, Димон выждал три дня. Ходил кругами, думал, взвешивал. А на четвёртый день пошёл. Дверь оказалась ровно там, где говорил Серёга, — в проулке между кирпичной стеной хлебозавода и покосившимся забором из рабицы. Никакой вывески. Только ржавое железо, три бетонные ступеньки вниз и лампочка под жестяным козырьком, которая горела даже днём, потому что свет в проулок не попадал никогда.

Он постучал три раза. Открыл мужчина с рыбьими глазами — тот самый, кого позже Димон узнает как Шрама. Ничего особенного: сутулый, лет сорока, в сером халате, с глубокой вертикальной морщиной над переносицей, будто кто-то чиркнул ножом и рана заросла. Шрам посмотрел на Димона оценивающе, как смотрят на вещь, которую принесли в ломбард, и кивнул:

— Заходи.

Внутри пахло пылью, старым деревом и чем-то сладковатым, похожим на лекарство. Комната ожидания — два стула, стол, лампа с зелёным абажуром и картотека вдоль стены. Ящики картотеки были заполнены не папками, а небольшими стеклянными флаконами, заткнутыми восковыми пробками. Жидкость во флаконах была разного цвета: одни светились тёплым янтарём, другие отливали мутной серостью, третьи были почти чёрными. Димон тогда ещё не знал, что это такое, и принял флаконы за какой-то медицинский инвентарь.

— Первый раз? — спросил Шрам, усаживаясь за стол.

— Первый.

— Тогда слушай правила. Их два. Первое: мы не стираем память. Мы изымаем переживание. Факт остаётся, чувство уходит. Ты будешь знать, что событие было, но не вспомнишь, как тебе от этого было. Второе: залог или продажа. Залог — ты можешь выкупить воспоминание обратно в течение года. Продажа — навсегда. Цена разная.

Димон кивнул. Он уже знал про цену от Серёги, но слушал внимательно, боясь пропустить подвох.

— Что сдаёшь? — Шрам открыл карточку и взял ручку.

Димон задумался. Что сдать? В голове крутились обрывки — плохие дни, стыдные моменты, давние обиды. Он выбрал самое простое: случай из детства, когда он разбил отцовскую кружку и получил влет. Ему было лет шесть, отец ещё был жив и гнев его был страшен. Димон помнил, как кружка раскололась, помнил звон осколков, помнил красное лицо отца. Это воспоминание он и предложил.

— Детская травма, — Шрам усмехнулся уголком рта. — Ходовой товар. Давно хотел избавиться?

— Давно.

— Тогда пошли.

Они прошли во вторую комнату — процедурную. Там стояло кресло, обитое потёртым дерматином, и небольшой столик на колёсиках, уставленный пустыми флаконами. Шрам усадил Димона, велел откинуться и закрыть глаза.

— Теперь вспоминай. В деталях. Кружка — какого цвета? Где стояла? Ты её задел локтем или схватил и уронил? Как она падала — медленно или сразу? Звон — какой был звон? Высокий, как от хрусталя, или глухой, как от глиняного горшка?

Димон вспоминал. Голос Шрама звучал монотонно, ритмично, и каждое слово будто подталкивало картинку в голове, заставляло её крутиться быстрее, ярче. Вот кружка — синяя, с белым ободком. Вот его рука — детская, пухлая — тянется и задевает край. Вот кружка летит, переворачивается в воздухе, ударяется о край стола и разлетается на куски.

— Хорошо, — голос Шрама стал тише. — Теперь отец. Где он стоял? Что делал? Повернулся сразу или через секунду?

Димон чувствовал, как воспоминание набирает силу. Оно уже не было просто картинкой — он снова там, в той комнате, и воздух дрожит от отцовского крика, и сердце колотится где-то в горле.

В этот момент он ощутил холодное прикосновение к виску. Шрам приложил к коже пустой стеклянный флакон. Горлышко было открыто, и от него тянуло легким, едва уловимым запахом — словно озон после грозы.

— Продолжай вспоминать. Не отвлекайся.

Димон продолжал. Отец кричал, кружка лежала на полу осколками, он сам плакал и не мог остановиться. И по мере того как воспоминание разгоралось, он чувствовал странное движение внутри — не боль, а скорее щекотку, переходящую в тянущее ощущение, будто из головы медленно выдёргивают мокрую нить. Флакон у виска едва заметно нагрелся, а потом начал холодеть. На стенках проступил иней, и внутри, словно из ничего, начал клубиться туман.

Голос Шрама гудел, раскачивал, убаюкивал. Димон уже не понимал, где он — в кресле или в той детской комнате. Страх, стыд, обида — всё это поднималось к горлу, а потом уходило в сторону, к виску, к флакону, и там исчезало.

— Всё, — сказал Шрам.

Димон открыл глаза. В голове было легко и пусто. Он знал, что разбил кружку, знал, что отец кричал, знал, что ему было страшно. Но всё это осталось где-то снаружи, как чужая история, прочитанная в книге. Ничего внутри не отзывалось. Только факты: была кружка, разбилась, отец орал. И всё.

Он посмотрел на флакон в руке Шрама. Флакон больше не был пустым. Внутри медленно перетекая, плывал сгусток серого тумана — та самая детская травма. Шрам аккуратно запечатал горлышко воском, и туман успокоился, замер, словно живое существо, которое уснуло.

— Вот это, — Шрам встряхнул флакон и посмотрел на свет, — и есть твой страх. Теперь он здесь. А ты — свободен.

Он приклеил крошечную этикетку с номером и убрал в ящик картотеки. Потом протянул Димону конверт.

— Приходи ещё.

Часть 2

Димон приходил ещё. Сначала раз в неделю, потом чаще. Он сдавал воспоминания, как сдают бутылки в приёмный пункт: собрал ненужное, получил мелочь, забыл.

За три недели он избавился от многого. Выкинул из головы смерть бабушки в коммуналке — остался только сухой факт: умерла, похоронили, мать плакала. Выкинул первую драку в школе, когда его избили после уроков, а он лежал на асфальте, глотал кровь и не мог подняться. Выкинул аварию — ему было десять, автобус врезался в столб, пахло бензином и жжё-

ной резиной, кто-то кричал. Теперь он знал, что авария была, но звуки и запахи исчезли, осталась только справка: попал в ДТП, выжил. Флаконы с этими воспоминаниями — тёмно-бурые, почти чёрные — стояли где-то в картотеке Шрама, и Димон ни разу о них не вспомнил.

Квартира стала чище. Не в смысле уборки — Димон как не убирался, так и не убирался, рыжие разводы на потолке никуда не делись. Но внутри стало просторнее, словно из захлавленной комнаты вынесли старую мебель. Он поймал себя на том, что идёт на смену без привычной тяжести в груди. Заказы не бесили. Дождь не вызывал тоски. Он спал по шесть часов и просыпался почти отдохнувшим.

Только однажды, зайдя в аптеку за пластырем, он услышал запах больницы. Хлорка, спирт, что-то стерильное и тревожное. И его накрыло — не воспоминанием, а его отсутствием. Внутри что-то сжалось, дёрнулось, будто мышца, которую он не знал, что имеет. Он знал, что этот запах должен был что-то значить. Но что именно — не помнил.

Это была первая «дыра».

Через пару дней появилась вторая. Он переходил дорогу и краем глаза заметил припаркованный автобус с разбитой фарой. И снова — спазм, пустота, намёк на что-то страшное, что прячется за завесой. Он не помнил саму аварию — только факт: попал в ДТП в десять лет. Но тело, видимо, помнило. Помнило и реагировало на автобус с разбитой фарой так, будто сейчас снова удар. Димон остановился посреди перехода, не замечая, что светофор уже переключился и водители сигналият. Стоял и смотрел на автобус, пытаясь ухватить то, чего больше не было.

Вечером он позвонил Серёге. Номер не отвечал.

Димон набрал ещё раз. Длинные гудки, потом женский голос: «Абонент временно недоступен». Он положил телефон на стол и долго смотрел на потухший экран. За окном шёл апрельский дождь. Капли стучали по жестяному отливу — монотонно, ритмично, как голос Шрама во время процедуры.

Глава 3. «Счастливый билет»

Часть 1

За хорошие воспоминания платили больше. Это Димон усвоил быстро. Плохие шли по дешёвке — страх, боль, обида, стыд, всё это барахло души, от которого люди мечтают избавиться, — стоило копейки, как ношенные вещи в секонд-хенде. А вот счастливые моменты были товаром штучным, редким, почти эксклюзивным. Шрам объяснил это в один из визитов, когда Димон сдавал очередную детскую травму и получил за неё едва ли половину того, на что рассчитывал.

— Ты пойми, — говорил Шрам, перебирая флаконы в ящике, — боль есть у всех. Её на рынке навалом. А счастье — дефицит. Богатые клиенты хотят не просто чувство, они хотят чужое счастье. Настоящее, пережитое, с запахами и красками. Чем ярче воспоминание, тем выше цена. Первая любовь, рождение ребёнка, выигрыш в лотерею, день на море с родителями — вот это всё на вес золота.

Димон тогда кивнул и ничего не ответил. Но запомнил.

Прошло ещё две недели. Апрель подходил к концу, и в воздухе появилось что-то похожее на тепло — не настоящая весна, а её слабый намёк, как запах еды из чужого окна. Димон сдал почти всё плохое, что у него было. Воспоминаний о боли, страхе и унижении больше не осталось. Внутри было просторно и пусто, как в квартире, из которой вывезли старую мебель, а новую ещё не завезли. Он просыпался, работал, ел, ложился спать — и всё это без прежней тяжести, но и без особой радости. Просто ровная линия, как кардиограмма покойника.

Но деньги снова заканчивались. Те три тысячи, что он получил за последние два воспоминания, разошлись быстро: квартплата, долг за прошлый месяц, новый насос для велосипедной камеры, потому что старый окончательно сдох. И ещё сигареты. И кофе. И лапша. Деньги таяли, как сахар в кипятке, и к концу апреля Димон опять сидел на кухне, считал мелочь на столе и понимал, что до зарплаты не дотянуть.

Вот тогда он и вспомнил слова Шрама про цену на счастливые воспоминания.

Часть 2

Выбор был невелик. Счастливых воспоминаний у Димона имелось штук пять, может, шесть, и все они были старые, выцветшие от времени, как фотографии на солнце. Детство с матерью до её отъезда — воскресные утра, блинчики на кефире, её смех над глупой шуткой. Первая поездка на море — ему было восемь, и он впервые увидел, сколько воды бывает на свете. День, когда он сдал экзамен по математике, хотя был уверен, что завалит, и отец, ещё живой, хлопнул его по плечу и сказал: «Молодец». Всё это было так давно, что Димон почти не обращался к этим воспоминаниям, но теперь, порывшись в голове, нашёл их и перебрал, как монеты в кармане, прикидывая, какая чего стоит.

Он выбрал одно. Первая любовь. Её звали Аня, и это случилось в девятом классе — короткое, неловкое, смешное счастье длиной в полтора месяца. Они целовались в подъезде, пахло сырой штукатуркой и её духами, сладкими до тошноты. Она бросила его перед летними каникулами, и он долго переживал, а потом забыл. Но само воспоминание осталось тёплым и светлым, без горечи и обид.

— Хороший выбор, — сказал Шрам, когда Димон пришёл в ломбард. — Первая любовь — это классика. Всегда в цене. Садись.

Процедура прошла как обычно: кресло, голос Шрама, убаюкивающий ритм, прохладное стекло у виска. Димон вспоминал Аню: её лицо, её смех, её пальцы, переплетённые с его пальцами, и как она шёпотом говорила ему на ухо что-то глупое и важное. Воспоминание разгоралось, набирало силу, становилось ярче, чем было в реальности, — процедура всегда так действовала, память под гипнозом становилась острее, контрастнее. А потом начало уходить.

Тепло, свет, запах духов — всё это медленно вытекало из него и перетекало во флакон, который Шрам держал у его виска.

Димон чувствовал, как счастье покидает его. Буквально — как вода уходит из ванны, оставляя пустоту. Это было не больно. Но впервые за всё время процедур ему стало не по себе. Не от того, что происходило, а от того, что он ничего не чувствовал по этому поводу. Просто смотрел, как его собственная радость переливается в стеклянный пузырёк, и ему было всё равно.

Когда всё закончилось, он открыл глаза и увидел флакон в руке Шрама. Жидкость внутри была не серой и не бурой, как раньше, а золотистой, тёплой, почти светящейся. Она переливалась мягким янтарным светом, и Димон на секунду засмотрелся — настолько это было красиво.

— Редкий экземпляр, — сказал Шрам уважительно. — Яркий, насыщенный. За такой хорошую цену дадут.

Он протянул конверт. Димон взял его и, не пересчитывая, сунул в карман. В голове было пусто. Он знал, что была девочка Аня, что они целовались в подъезде, что она его бросила. Но всё это было как чужая анкета, заполненная чужим почерком. Ни нежности, ни грусти, ни сожаления. Только факты.

Он вышел из ломбарда и закурил. Дождь кончился, но асфальт был мокрый, и в лужах отражалось серое небо. Димон стоял, курил и пытался понять, что именно он только что потерял. Но не мог. Потому что не помнил, каково это — терять.

Часть 3

Маша жила в пятиэтажке на соседней улице, и раньше Димон часто заходил к ней после смены. Они сидели на кухне, пили чай из старых кружек с облупившимися ручками и говорили обо всём подряд — о работе, о деньгах, о том, куда бы уехать, если бы были деньги, и о том, что деньги вряд ли когда-нибудь будут. Иногда она клала голову ему на плечо, а он гладил её по волосам, и в этом не было ничего такого — просто двое людей, которым хорошо рядом.

В этот вечер он пошёл к ней без предупреждения. Просто свернул с привычного маршрута, возвращаясь из ломбарда. Деньги грели карман, но он не подумал купить ни цветов, ни вина, ни хотя бы дурацкую шоколадку в ларьке. Эта мысль мелькнула где-то на краю сознания, когда он уже подходил к её дому, и он отогнал её, потому что не хотел отвлекаться. Ему нужно было увидеть Машу. Просто увидеть. Просто убедиться, что она ещё есть.

Она открыла дверь почти сразу, будто ждала кого-то. В домашней футболке, с мокрыми после душа волосами, босая. Увидела Димона и замерла на секунду, а потом улыбнулась — осторожно, словно ещё не решила, рада она или обижена.

— Привет, — сказал он.

— Привет. Ты пропал.

— Занят был. Работа.

— Работа, — повторила она, прислонившись плечом к дверному косяку. — Ты всегда был занят. Но раньше ты хотя бы заходил. Или звонил. Или писал. А теперь даже не отвечаешь.

Димон помнил, что не отвечал. Помнил, как телефон пиликал сообщениями от неё, а он смотрел на экран и не мог заставить себя нажать кнопку. Почему — он не понимал. Просто не хотелось. Просто внутри было тихо, и эта тишина казалась ему правильной.

— Извини, — сказал он. — Правда замотался.

Маша смотрела на него внимательно, изучающе. Он стоял перед ней — тот же Димон, со своими вечно взлохмаченными волосами и потрёпанной курткой, — но что-то было не так. Она не могла понять, что именно, но чувствовала это кожей, как чувствуешь жар от печки, даже не прикасаясь.

— Ты какой-то другой, — сказала она. — Не пойму, в чём дело.

— Нормальный я, — ответил он и сам почти поверил. — Соскучился просто.

Это было правдой. Он действительно соскучился — не так, как раньше, когда ему просто хотелось её видеть, а иначе: остро, жадно, почти голодно. Внутри у него, на месте вырванных воспоминаний, образовалась пустота, и эта пустота требовала заполнения. Маша была тёплой, живой, настоящей — единственное, что не давало ему окончательно провалиться в серый холод, которого он сам не замечал.

Он взял её за руку. Ладонь была тёплая и чуть влажная после душа. Маша вздрогнула, но руку не отняла.

— Можно войти?

Она отступила в сторону, пропуская его. В прихожей пахло кофе и её шампунем, и этот запах ударил в голову сильнее, чем он ожидал — как будто нюх обострился, чтобы компенсировать всё, что он из себя вычистил. Димон стоял в полутьме коридора и смотрел на неё — на мокрые волосы, на тонкие ключицы над вырезом футболки, на босые ступни на холодном линолеуме. И чувствовал, как внутри поднимается что-то горячее и незнакомое. Не нежность — нежность он продал сегодня вместе с воспоминанием об Ане. А что-то другое. Более простое, более животное, более честное.

— Дим, — сказала она тихо. — Ты смотришь на меня так, будто впервые видишь.

— Может, и впервые, — ответил он. — По-настоящему.

Он не соврал. После того как процедура вымыла из него страх, стыд и старую боль, а сегодня — ещё и кусок прошлого счастья, оставшиеся чувства обострились. Он смотрел на Машу и не вспоминал их общие вечера, их долгие разговоры, их первые осторожные прикосновения. Он просто видел её — здесь и сейчас, тёплую, живую, и этого было достаточно, чтобы внутри всё загудело, как оголённый провод под напряжением.

Он шагнул к ней, положил ладони на плечи. Футболка была тонкая, и он чувствовал тепло её тела под тканью. Маша не отстранилась. Он наклонился и поцеловал её — сначала осторожно, пробуя, потом глубже, настойчивее. Она ответила, запустила пальцы в его спутанные волосы, и от этого простого движения по телу прошла горячая волна, почти болезненная, как удар током.

Он прижал её к стене прихожей, не разрывая поцелуя, и услышал, как она тихо втянула воздух сквозь зубы. В голове шумело. Все мысли исчезли. Осталось только тело и его голод — простой, острый, честный. Никаких воспоминаний. Никакого прошлого. Только здесь и сейчас.

Димон не запомнил, как именно это случилось и в какой момент они оказались на кровати. Всё смешалось в одно сплошное ощущение: её кожа под его ладонями — влажная, горячая; её дыхание, сбивчивое, у самого уха; запах её шампуня, смешанный с запахом их разгорячённых тел; узкая полоска лунного света на полу, потому что шторы были задёрнуты неплотно; и темнота, в которой не было ни прошлого, ни будущего, ни страха, ни пустоты.

Раньше у них такого не случалось. Они ходили вокруг да около несколько месяцев: осторожные прикосновения, долгие взгляды, разговоры до полуночи на этой самой кухне. Димон помнил, как однажды она уснула, положив голову ему на плечо, и он просидел неподвижно два часа, боясь разбудить. Тогда это казалось важным и правильным. Теперь всё было иначе. Теперь он не думал ни о чём — только чувствовал. И чувства эти были яркими до рези в глазах, до дрожи в пальцах.

Когда всё закончилось, они лежали рядом на смятых простынях. Маша водила пальцем по его плечу, а он смотрел в потолок и слушал её дыхание. Внутри было тихо, но не пусто — скорее, как после грозы, когда воздух ещё пахнет озоном и где-то вдалеке ещё погромыхивает.

— Ты сегодня странный, — сказала она полуслёпотом. — Но мне... понравилось.

Димон повернул голову и посмотрел на неё. В полутьме комнаты её лицо казалось мягче, моложе. Он хотел сказать что-то важное, но не нашёлся. Просто провёл ладонью по её волосам.

— Я скучал, — сказал он наконец. И это было правдой, хотя слово «скучал» не совсем подходило. Он не скучал. Он нуждался.

Маша улыбнулась и прикрыла глаза. Через минуту её дыхание стало ровным и глубоким.

А Димон не спал. Он лежал и думал. Не о Маше — о том, что он только что испытал. Он не помнил, было ли у него когда-нибудь что-то подобное. Не мог вспомнить. Но сейчас, лёжа в темноте рядом с засыпающей Машей, он чувствовал, как внутри всё ещё пульсирует горячая волна — живая, острая, настоящая. Такого с ним не случилось давно. Или вообще никогда. Он не знал.

И в глубине сознания, где-то под слоями пустоты, зашевелилась мысль. Подлая. Мысль о том, сколько может стоить такое воспоминание. Если за детскую влюблённость дали втрое больше обычного, то за это — за этот огонь, за эту дрожь, за этот вкус — сколько? Впятеро? Вдесятеро?

Он отогнал эту мысль почти сразу, но она не ушла. Она затаилась. Как зверь в подлеске, который ждёт своего часа. И Димон знал, что час настанет. Потому что внутри у него была пустота, которая требовала всё новых и новых порций тепла. И одновременно — всё новых и новых денег. Одно противоречило другому, но он пока ещё умел об этом не думать.

Он перевёл взгляд на спящую Машу. Лунный свет лежал на её плече тонкой полоской. Она была тёплой, живой и настоящей. И он пока ещё чувствовал это тепло. Пока ещё...

Глава 4. «Маша»

Часть 1

Утро после той ночи Димон помнил смутно, урывками, как помнят сон, который пытаешься удержать, но он утекает сквозь пальцы. Он проснулся на смятых простынях, один. Маша уже встала и гремела посудой на кухне. За окном моросил мелкий дождь, и свет был серый, неяркий, какой-то размытый, словно кто-то протёр стекло мокрой тряпкой и не досушил.

Он полежал ещё немного, слушая звуки из кухни. Чайник закипел и щёлкнул. Чашка звякнула о блюде. Маша что-то напевала себе под нос — тихо, неразборчиво. Всё это было обыденно и оттого странно, потому что внутри у него до сих пор тлело что-то горячее, оставшееся с ночи, и это никак не вязалось с мирным утром, дождём и чайником.

Он встал, натянул джинсы и вышел на кухню. Маша стояла у окна, прижимая ладони к кружке с кофе. Повернулась, увидела его и улыбнулась.

— Кофе будешь?

— Буду.

Она налила ему кружку, и он сел за стол. Кофе был тот же растворимый, что и у него дома, но здесь, на этой кухне, он почему-то казался вкуснее.

— Дим, — сказала Маша, садясь напротив. — Что вчера было?

— В смысле?

— Ну... Ты пришёл, и всё было по-другому. Не так, как раньше. Я не жалуясь, нет. Просто пытаюсь понять.

Димон отхлебнул кофе и задумался. Он мог бы рассказать. Мог бы начать с Серёги, с ржавой двери, с флаконов в картотеке Шрама. Но тогда она начнёт задавать вопросы, а у него не было ответов. Или были, но не те, которые ей хотелось бы услышать.

— Сам не знаю, — сказал он наконец. — Просто соскучился сильно. Давно тебя не видел.

— Три недели, — сказала Маша. — Три недели ты не отвечал на сообщения. Я думала, ты меня бросил.

— Я не бросал.

— А что тогда?

Димон молчал. Он смотрел в кружку, где на поверхности кофе плавала маленькая пузырьчатая пенка, и пытался найти слова. Но слов не было.

— Я не брошу тебя, — сказал он. — Обещаю.

Маша посмотрела на него долгим взглядом. В её глазах была смесь надежды и недоверия.

— Ладно, — сказала она наконец. — Давай просто позавтракаем.

Часть 2

День прошёл как обычно. Димон развёз заказы, покрутился у ресторанов, выкурил полпачки сигарет и заработал едва ли тысячу рублей. Но мысли всё время возвращались к Маше. К её запаху. К её коже. К тому, как она смотрела на него утром — будто пыталась разглядеть что-то, что он прятал даже от себя.

И ещё — к той мысли, которая зашевелилась в нём ночью и с тех пор не уходила. Мысли о деньгах.

Он прикидывал и так, и этак. Если продать одно воспоминание о ней — не всё, а только одно, самое яркое, — сколько дадут? Шрам говорил, что счастливые воспоминания в цене. А то, что случилось этой ночью, было определённо счастливым. Острым. Насыщенным. Может быть, самым насыщенным из всего, что у него осталось.

Но как его продать? Он же не сможет вспоминать Машу и одновременно не вспоминать. Или сможет? Процедура изымала переживание, оставляя факт. Он будет знать, что был с ней, что трогал её, что чувствовал что-то важное. Но само чувство исчезнет. Останется только пустая оболочка события — как киноплёнка без звука.

Он отогнал эту мысль и снова закурил. Пальцы дрожали.

Вечером он опять пошёл к Маше. На этот раз купил вино — самое дешёвое, в коробке, но всё-таки. Она открыла ему и, увидев коробку, рассмеялась.

— Ты меня балуешь, — сказала она и взяла его за руку.

Они сидели на кухне, пили вино из разномастных кружек, и Маша рассказывала про свою работу — про вредного начальника, про новую кофемашину, которая сломалась на второй день, про странного клиента, который требовал капучино без пенки. Димон слушал вполуха. Он смотрел на её руки, на то, как она жестикулирует, на то, как смеётся, запрокидывая голову. И внутри у него боролись два желания.

Первое — просто быть с ней. Чувствовать тепло, слышать смех, держать за руку.

Второе — вынуть это чувство из себя, упаковать во флакон и отнести Шраму. Посмотреть, сколько дадут.

— Дим, — сказала Маша, перестав смеяться. — Ты меня вообще слушаешь?

— Да, конечно. Кофемашина сломалась.

— Это было пять минут назад. Я сейчас про другое рассказывала.

— Извини. Задумался.

— О чём?

Он помолчал, потом взял её за руку.

— О тебе.

Она улыбнулась, но в глазах осталась тень — лёгкая, едва заметная. Она всё ещё не понимала, что с ним, и это непонимание точило её изнутри, как вода точит камень.

Ночью всё повторилось. И снова это было остро, горячо, почти невыносимо. И снова — мысль о деньгах.

Часть 3

На следующий день Димон пошёл в ломбард.

Он не планировал. Просто ноги сами принесли его к ржавой двери, и он постучал три раза, прежде чем успел передумать. Шрам открыл и, увидев его, кивнул, как старому знакомому.

— Два, — сказал Димон, усаживаясь в кресло.

Шрам поднял бровь, но ничего не сказал. Поставил на столик два флакона, протёр их тряпочкой.

— Давай по порядку.

Первое воспоминание — первая ночь. Димон закрыл глаза, и голос Шрама повёл его обратно. Вот Маша открывает дверь, мокрые волосы, тонкая футболка. Вот он целует её в прихожей. Вот они на постели, и лунный свет полоской лежит на полу. Воспоминание разгоралось, набирало силу, и Шрам держал флакон у его виска, и всё, что было в той ночи горячего и живого, медленно перетекало в стекло, оставляя в голове только факты.

Когда открыл глаза, жидкость во флаконе была золотисто-розовой, с крошечными искрами. Шрам запечатал флакон и взял второй.

— Дальше.

Второе воспоминание — сегодняшняя ночь, под утро. Димон снова закрыл глаза. Голос Шрама загудел. Он вспоминал. Запах вина из кружки. Её смех над глупой шуткой. Её ладонь на его плече — осторожная, почти невесомая. Темнота за окном и тишина, в которой было

только их дыхание. Воспоминание текло, уходило, и с ним уходило что-то ещё — он не знал что, но чувствовал, как внутри становится просторнее и холоднее.

Когда открыл глаза во второй раз, флакон был розово-жёлтым. Без искр.

— Второй слабее, — сказал он. — Цена ниже.

Шрам запечатал флакон, приклеил этикетку и убрал в ящик. Потом протянул конверт.

Димон взял его и вышел.

На улице он закурил и только тогда почувствовал, что внутри что-то изменилось. Стало тише. Не пусто, а именно тише. Он знал, что был с Машей. Знал, что она была с ним нежна. Но сама нежность теперь вспоминалась как-то отстранённо, будто это случилось не с ним, а с кем-то, про кого он читал в книге. Однако всё остальное — Машин смех над дурацкими шутками, её привычка щуриться, когда она слушает, тепло её плеча под его ладонью — всё это осталось. Поблёкло, но осталось. Он всё ещё помнил, за что её любил. Просто само слово «любил» стало звучать глуше.

Он спрятал конверт в карман и пошёл домой.

По дороге домой он зашёл в салон связи и купил новый телефон. Без трещин. Без глючащего гнезда. Продавец долго возился с сим-картой, и Димон ждал, разглядывая витрину с чехлами. Новый аппарат лёг в ладонь гладко и приятно. Хоть что-то новое. Хоть что-то целое.

Часть 4

Следующие две недели Димон поставил на поток.

Он не называл это так — слово «поток» резало слух и пахло чем-то механическим, конвейерным, а ему не хотелось думать о себе как о конвейере. Но по сути это был именно поток. Он приходил к Маше через день, иногда — два дня подряд. Приносил вино, цветы, шоколад — теперь он не забывал про мелочи, потому что мелочи помогали. Маша отгаивала, смеялась, запускала пальцы в его волосы и больше не спрашивала, что с ним происходит. Она решила, что он исправился. Что кризис миновал. Что её Димон вернулся.

Он не возвращался. Он добывал.

Каждая ночь с ней давала ему новый материал — яркий, горячий, насыщенный. Он научился смаковать эти моменты не ради них самих, а ради того, что будет потом. В процессе он был внимателен и жаден, запоминал каждую деталь, каждое прикосновение, каждый звук — не потому что хотел сохранить, а потому что знал: чем детальнее воспоминание, тем дороже оно уйдёт. Маша принимала его жадность за страсть и была счастлива. Ей не приходило в голову, что она стала расходным материалом.

По утрам он шёл в ломбард.

Шрам принимал его без комментариев. Только однажды, запечатывая очередной флакон — на этот раз жидкость была уже просто тёплого жёлтого оттенка, — он заметил вскользь:

— Качество падает.

— В смысле? — Димон сидел в кресле, ещё не до конца придя в себя после процедуры.

— В прямом. Насыщенность уже не та. Цена будет ниже.

— Почему?

— Потому что чувство притупляется. Ты же не железный. С каждым разом ты испытываешь к ней всё меньше, и воспоминание выходит бледнее. Это закон.

Димон хотел возразить, но не стал. Он и сам чувствовал, что что-то уходит. Не к Маше — к нему самому. Каждая ночь с ней всё ещё была горячей, но уже не такой острой, как первая. Каждое утро он всё ещё шёл в ломбард, но уже не с тем трепетом. Деньги капали, но и они начинали казаться чем-то обыденным. Он зарабатывал больше, чем когда-либо, но тратил так же быстро — на сигареты подороже, на кроссовки, на бесполезные мелочи, которые не приносили радости.

Однажды ночью он лежал рядом с Машей — она уже спала, положив голову ему на плечо, — и вдруг понял, что почти ничего не чувствует. Совсем. Не ту горячую волну, что накрывала его раньше, а что-то слабое, едва заметное, как отголосок далёкого грома. Он смотрел на неё — на её ресницы, на полуоткрытые губы, на тонкую жилку на шее, — и не ощущал ничего, кроме усталости. Она была красивая, тёплая и живая, но он смотрел на неё как на старую фотографию, которую пересматривал слишком много раз.

Вот тогда ему стало страшно. По-настоящему страшно. Не от того, что он теряет её, — это он понял бы. А от того, что он теряет способность терять. Что исчезло не только тепло, но и холод. Что внутри разрастается не боль и не радость, а спокойная, ровная, бесконечная пустота.

Он аккуратно высвободил плечо, встал и вышел на кухню. За окном горел фонарь — одинокий, жёлтый, в ореоле мелкого дождя. Димон достал сигарету и закурил, глядя на этот фонарь и пытаясь вспомнить, когда в последний раз ему было по-настоящему хорошо.

Не вспомнил. Потому что то самое «хорошо» он продал сегодня утром.

Часть 5

Маша позвонила через два дня. Димон взял трубку не сразу — смотрел на экран и ждал, когда имя перестанет светиться. Но оно не переставало. И он ответил.

— Привет, — сказала она. — Ты опять пропал.

— Занят был, — ответил он.

— Ты всегда занят. Может, увидимся?

Димон помолчал. Он знал, что она ждёт. Знал, что нужно сказать «да». Ещё неделю назад он сказал бы «да» без колебаний — не потому что хотел её видеть, а потому что хотел добыть ещё один флакон. Но теперь даже это желание угасло. Она больше не была источником дохода. Она больше не была источником тепла. Она просто была — где-то там, на другом конце провода, со своим кофе и своими вопросами, на которые у него не осталось ответов.

— Не знаю, Маш, — сказал он честно. — Давай я сам наберу, когда разгребу дела.

— Ты всегда так говоришь, — её голос дрогнул. — И никогда не набираешь.

— Я наберу.

— Дим, у тебя кто-то появился?

— Нет. Никого.

— Тогда что? Что с тобой?

Он закрыл глаза. Он мог бы рассказать. Мог бы объяснить про флаконы, про процедуры, про то, как он продал их первую ночь, вторую, третью, а потом и все остальные, пока они не кончились. Но он не рассказал. Потому что стыдно. Потому что страшно. Потому что она не поймёт, а если поймёт — будет ещё хуже.

— Я устал, Маш, — сказал он. — Просто устал.

— Ты меня ещё любишь?

— Люблю, — сказал он. — Конечно, люблю.

Но голос прозвучал плоско, и они оба это услышали.

— Ладно, — сказала она. — Я позвоню позже.

И положила трубку.

Димон остался сидеть в своей кухне, глядя на рыжие разводы на потолке. Он пытался вызвать в себе хоть что-то — злость, тревогу, сожаление. Но внутри было тихо и ровно. Слишком тихо. Слишком ровно. Как комната, из которой вынесли почти всю мебель, оставив только голые стены и лампочку под потолком.

Он достал конверты — целую стопку, скопившуюся за две недели, — и пересчитал деньги. Вышло много. Очень много. Хватило бы на месяц вперёд, а то и на два. Но радости от этого не было. Только холод.

За окном шёл дождь. Димон докурил, лёг на кровать и уставился в потолок. В голове было тихо. Только на краю сознания, как всегда, крутилось что-то чужое — запах больницы, осколки кружки, автобус с разбитой фарой и чьи-то шаги в темноте. Они стали громче. Ближе. Он почти различал лицо того, кто шёл.

Но он ещё не знал, что это значит.

Глава 5. «Чувства на вынос»

Часть 1

К середине мая погода наконец сломалась. Серость, висевшая над городом с марта, отступила, и в разрывах туч появилось что-то похожее на солнце — неяркое, словно разбавленное водой, но всё-таки солнце. Асфальт просыхал к полудню, и во дворах запахло мокрой землёй и тополиными почками. Димон не замечал этого. Он вообще мало что замечал теперь.

Очередь в ломбард была редкостью. Обычно Димон приходил в будние дни, ближе к утру, когда проулок за хлебозаводом был пуст и только лампочка под козырьком гудела в тишине. Но сегодня его задержали: сначала дополнительный заказ, потом велосипед — цепь соскочила на Строительной, пришлось возиться в грязи, перепачкал руки, опоздал. К Зелёной улице он добрался только к полудню.

А в полдень здесь, оказывается, стояли люди.

Двое. Один — мужик в грязной спецовке, нервно теребивший в руках мятую кепку. Другой — молодой парень с затравленным взглядом, какой бывает у тех, кто пришёл сюда впервые и ещё не знает, на что подписывается. Димон встал за ними, прислонился плечом к кирпичной стене и закурил.

Дверь открылась, и из неё вышел человек.

Он был не похож на обычных посетителей. Высокий, широкоплечий, в светлом плаще, который сидел на нём так, как сидит только очень дорогая одежда — без единой складки. Лет сорок, короткая стрижка, холёное лицо с лёгкой небритостью. Он вышел из ржавой двери, словно из ресторана, — спокойно, неторопливо. В одной руке он держал небольшой кожаный портфель.

В другой — флакон.

Димон заметил его не сразу, а когда заметил, то не придал значения. Флакон как флакон. Такие же стояли у Шрама в картотеке — стекло, воск, этикетка. Но когда мужчина проходил мимо, флакон качнулся в его пальцах, и внутри блеснула жидкость. Золотисто-розовая. С крошечными искрами.

Что-то в этом цвете показалось Димону знакомым. Не настолько, чтобы вспомнить, — он не мог вспомнить, потому что воспоминание об этом цвете тоже было продано. Но где-то глубоко, на уровне тела, что-то дёрнулось и тут же затихло.

Их взгляды пересеклись. На секунду.

Богач отвёл глаза первым. Прошёл мимо, и Димон услышал запах — дорогой одеколон, кожа, что-то ещё, едва уловимое. Через минуту из-за угла выехала машина — чёрная, приземистая, с тонированными стёклами. Мягко зашуршала шинами по асфальту и скрылась за поворотом.

— Кто это? — спросил Димон у мужика в спецовке.

Мужик пожал плечами. Дверь снова открылась, и Шрам выглянул наружу. Кивнул мужику, и тот исчез внутри.

Часть 2

К Маше он пришёл тем же вечером. С цветами. С вином в бутылке. С шоколадкой, на которую она когда-то сказала, что любит именно такие — с миндалём. Он помнил это. Он много чего помнил о ней — факты, детали, привычки. Но когда она открыла дверь, он не почувствовал ничего. Только пустоту и холод.

— Привет, — сказал он и протянул цветы.

— Привет, — ответила Маша.

Взяла букет и посмотрела на него — не на цветы, а на Димона. Взгляд был внимательный, изучающий, как у человека, который пытается вспомнить, где он видел эту вещь раньше.

— Ты опять пропал, — сказала она.

— Я же говорил — занят был.

— Ты всегда занят. Но теперь ты занят как-то иначе. У тебя телефон новый. Кроссовки новые. Ты раньше о таких деньгах даже не мечтал. Где ты работаешь, Дим?

Он не ответил. Прошёл в прихожую, снял куртку. Маша стояла, прижимая букет к груди, и смотрела на него.

— Я не буду спрашивать, — сказала она наконец. — Потому что ты всё равно не ответишь. Но я не слепая.

— О чём ты?

— О том, что с тобой что-то не так. Ты другой. Не как раньше.

— Тебе кажется, — сказал он.

— Может, и кажется, — ответила она, но в голосе не было уверенности.

Они сидели на кухне до позднего вечера. Пили вино. Разговаривали — но разговор не клеился. Маша рассказывала что-то про работу, но Димон слушал вполуха, кивая с задержкой в секунду. Она замолкала, смотрела на него, потом отводила взгляд.

Ночью он прикоснулся к ней — сначала к плечу, потом к шее, потом ниже. Всё как обычно. Всё как вчера и позавчера. Она ответила, но как-то механически, без огня. А он не заметил разницы. Ему было всё равно, есть огонь или нет. Ему нужно было только одно — яркое воспоминание, которое утром можно будет отнести Шраму.

Часть 3

На следующее утро он снова пошёл в ломбард.

Шрам встретил его привычным кивком. Процедура прошла как обычно: кресло, голос, флакон. Но когда всё закончилось и Шрам поднёс флакон к лампе, он хмыкнул.

— Что? — спросил Димон.

— Бледный. Почти прозрачный. Насыщенности нет.

— И что это значит?

— Цена ниже.

Шрам запечатал флакон и протянул конверт — тоньше обычного. Димон взял его и вышел. На улице он пересчитал деньги. Выходило едва ли больше, чем он зарабатывал за день курьером. Игра переставала стоить свеч.

Но он всё равно вернулся к Маше на следующий день. И на следующий. И через день. Каждый раз — цветы, вино, шоколадка. Каждый раз — один и тот же сценарий. Кухня, разговор, постель. Он больше не пытался быть оригинальным. Он просто выполнял алгоритм.

Часть 4

Маша тем временем начала замечать.

Сначала — смутное беспокойство. Что-то было не так, но она не могла сформулировать, что именно. Димон был внимателен. Предупредителен. Никогда не грубил, никогда не забывал про цветы. Но именно эта безупречность её и настораживала.

Раньше он мог забыть про годовщину их первого свидания, но притащить с улицы мокрого котёнка, потому что ему стало жалко. Раньше он мог заснуть, не дослушав её рассказ, но среди ночи проснуться и спросить: «Так что там твой начальник сказал?» Раньше он был разный — то ласковый, то угрюмый, то смешной, то невыносимый. Но всегда живой.

Теперь он был ровный. Гладкий. Как камень, обточенный водой.

Она попыталась поговорить с ним об этом однажды вечером, когда он снова пришёл к ней с цветами.

- Дим, почему ты приходишь ко мне?
- В смысле? — он поднял брови.
- Ну, зачем? Что ты чувствуешь?
- Он помолчал. Потом сказал:
- Ты мне нравишься.
- Нравлюсь, — повторила она. — Это всё?
- А что ещё?
- Раньше ты говорил, что любишь.
- Люблю, — сказал он.

Но голос прозвучал плоско, и она это услышала. Не потому что он не хотел её любить. А потому что слова «люблю» больше ничего не значили. Оно было как старая монета, стёртая до состояния гладкого кружка. Ни веса, ни цены.

Часть 5

Прошла ещё неделя. Маша больше не задавала вопросов. Она просто наблюдала.

Она заметила, что Димон берёт её за руку всегда одинаково — сначала левую, потом правую, большим пальцем гладит костяшки. Как будто прочитал в книжке «как правильно держать женщину за руку» и теперь повторяет инструкцию.

Она заметила, что он смотрит на неё не в глаза, а чуть выше — в переносицу. Как будто так легче фокусироваться.

Она заметила, что он смеётся над её шутками с задержкой в полсекунды. Ровно столько, сколько нужно мозгу, чтобы обработать звук и выдать реакцию.

Эти мелочи накапливались, как вода в подставленной ладони. Сначала — ничего. Потом — холодно. Потом — тяжело. Потом — страшно.

Однажды ночью она проснулась от того, что он лежал рядом и не дышал. То есть он дышал, но так тихо и ровно, что казалось — рядом не человек, а предмет. Кукла. Тёплая, но неживая.

Она села на кровати и долго смотрела на него в темноте. Грудь поднималась и опускалась. Ресницы подрагивали. Но лицо было совершенно пустым — как у спящего, которому ничего не снится. Ни снов, ни страхов, ни желаний. Только физиология.

Вот тогда ей стало по-настоящему страшно. Не потому, что он мог её обидеть — он не обижал. А потому, что он больше не был человеком. Он был оболочкой. И эта оболочка лежала рядом с ней, трогала её, спала с ней, а внутри не было никого.

Она не стала его будить. Просто легла на край кровати, подальше от него, и до утра смотрела в стену.

Часть 6

На следующий день Маша взяла отгул на работе. Сидела на кухне, пила кофе и думала. Думала долго, тяжело, прокручивая в голове последние недели. Как он вернулся. Как она обрадовалась. Как надеялась, что всё наладилось. Как потом надежда сменилась недоумением. Недоумение — тревогой. Тревога — страхом.

Она вспомнила его прежнего. Того, кто рассказывал дурацкие сны, кто мог разбудить её ночью, чтобы показать луну в окне, кто плакал, рассказывая про смерть бабушки, — она помнила это, он плакал тогда у неё на плече, и слёзы были горячими. Тот Димон исчез. Вместо него пришёл этот — с цветами, с шоколадкой, с пустыми глазами.

Она ещё не приняла решение. Но что-то внутри уже сдвинулось. Как стрелка на железнодорожном пути — ещё не переведена, но уже дрогнула.

Она понимала: нужно будет поговорить. Серьёзно. В последний раз.

Но пока — пока она просто сидела на кухне, смотрела в окно и ждала. Ждала, когда он придёт снова. Потому что знала: он придёт. Он всегда приходил теперь — ровно через день, в одно и то же время, с одними и теми же цветами. Как на работу.

Глава 6. «Покупатель чувств»

Часть 1

Стоял уже июнь. За окнами цвела сирень, и тополиный пух летел над асфальтом, собираясь в белёсые комки у бордюров. Солнце заливало кухню, делало всё резким, отчётливым, не оставляющим места для полутонов.

Маша приготовила кофе и села напротив. Димон взял кружку и отхлебнул — ровно так же, как в прошлый раз, и в позапрошлый. Этот жест, повторенный в сотый раз, стал последней каплей.

— Дим, — сказала она. — Я больше не могу.

Он поднял брови. Удивился. Или изобразил удивление — она уже не различала.

— Ты приходишь ко мне почти месяц. Ровно через день. С одними и теми же цветами. С одним и тем же вином. Ты делаешь одни и те же движения, говоришь одни и те же слова. Ты спишь со мной так, будто сверяешься с секундомером. Я сначала думала, что мне кажется. Потом думала, что ты просто устал. Потом — что ты разлюбил и не знаешь, как сказать. Но теперь я понимаю: дело не в этом.

— А в чём? — спросил он.

— Тебя нет.

Он поставил кружку на стол и посмотрел на неё. Глаза были пустые, но не злые. Просто пустые.

— Я здесь, — сказал он.

— Нет. Здесь твоё тело. Твои руки. Твой голос. Но тебя нет. Ты смотришь на меня, а я чувствую, что смотрю в стену. Ты трогаешь меня, а я чувствую, что меня трогает манекен. Я не знаю, что с тобой случилось. Может, ты продал душу. Может, заболел. Может, я схожу с ума. Но я больше не могу спать с человеком, который на меня не смотрит.

Димон молчал. Он смотрел в кружку, где на поверхности кофе плавала маленькая пузырчатая пенка, и ничего не отвечал. Она говорила правду. Но он не мог ей этого объяснить.

— Я не знаю, кто ты теперь, — сказала Маша тихо. — Но того, кого я любила, больше нет.

Она встала, взяла его куртку со стула и протянула ему.

— Уходи. Пожалуйста. Не приходи больше.

Он взял куртку. Постоял немного, глядя на неё. Потом повернулся и вышел. Дверь закрылась за ним с мягким стуком, и Маша осталась одна в залитой солнцем кухне. Она не плакала. Просто сидела за столом и смотрела на дверь, за которой только что исчез человек, которого она любила. Вернее, его оболочка.

Часть 2

Три дня после этого она прожила как в тумане. Ходила на работу, варила кофе, улыбалась клиентам, а в голове крутилось одно и то же: «Я его выгнала». Это не было раскаянием — скорее, привыканием к новой реальности. Как будто она долго держалась за что-то, а теперь разжала пальцы и не знала, что делать с освободившейся рукой.

К исходу третьего дня ей стало легче. Она проснулась утром и поняла, что больше не ждёт шагов на лестнице. Не прислушивается к телефону. Не вздрагивает от каждого звука за дверью. Она больше не ждала Димона.

Вечером она вымыла полы на кухне, выбросила засохшие цветы из вазы и заварила себе чай. На душе было тихо.

Часть 3

Мужчина появился через несколько дней после того, как она выбросила цветы.

Маша работала в вечернюю смену. Кофейня у метро почти опустела — был будний день, и поток посетителей схлынул после шести. Она протирала кофемашину, когда над стойкой звякнул колокольчик. Подняла глаза и увидела его.

Высокий. Широкоплечий. В лёгком летнем пиджаке, хотя вечер был тёплый и пиджак был скорее деталью образа, чем необходимостью. Лет сорок. Короткая стрижка. Лёгкая небри-тость. Он подошёл к стойке и посмотрел на неё — спокойно, но пристально, не просто как смотрят на бариста, у которого собираются сделать заказ.

— Добрый вечер, — сказал он. Голос был ровный, приятный. — Американо без сахара, пожалуйста.

Она приготовила кофе, он взял чашку и отошёл к столику у окна. Пил медленно, глядя на улицу, иногда бросая взгляд в сторону Маши. Обычный посетитель. Когда уходил, вежливо кивнул, но ничего не сказал.

Через день он пришёл снова. Американо без сахара. Столик у окна. Кивок на прощание. Ещё через день — снова. Маша начала его узнавать, но не более того. Мало ли людей пьют американо без сахара.

На четвёртый раз он задержался у стойки на минуту дольше.

— Вам не скучно здесь одной по вечерам? — спросил он.

— Привыкла, — ответила Маша.

— Я иногда прохожу мимо после работы. У вас тут тихо. Не то что в центре.

— Да, у нас спокойно.

Он кивнул и ушёл. Никаких вопросов. Никакого давления. Просто лёгкий разговор, после которого осталось смутное чувство, что с ним приятно говорить.

Часть 4

Они столкнулись в парке спустя пару дней после того, как он впервые заговорил с ней у стойки. Маша шла домой после смены, срезая через аллею, и увидела его на скамейке у фонтана. Тот же лёгкий пиджак, та же короткая стрижка. Она хотела пройти мимо, но он поднял голову и заметил её.

— Добрый вечер, — сказал он.

— Добрый. Вы меня преследуете?

Он усмехнулся.

— Нет. Просто живу неподалёку. А вы, видимо, тоже.

Маша остановилась. Что-то в его голосе — спокойное, без какой-либо попытки произвести впечатление — заставило её не уйти сразу.

— Вы всегда ходите в пиджаке в такую жару? — спросила она.

— Привычка. Много лет работал в месте, где дресс-код был обязателен. Теперь уже не работаю, а привычка осталась.

— И где же вы работали?

— В банке. Скучная история.

Он не стал развивать тему, и Маша оценила это. Они пошли по аллее вместе — просто потому, что им было в одну сторону. Разговор шёл ни о чём: о погоде, о том, что фонтан в этом году включили поздно, о том, что сирень почти отцвела и теперь пахнет нагретой листвой. Антон — он назвал своё имя где-то на середине аллеи — говорил легко, но не болтал лишнего. Слушал внимательно, но не поддакивал.

Маша поймала себя на том, что ей приятно идти рядом с ним. Не потому что он был красивым или богатым — хотя и то, и другое угадывалось. А потому что он был спокоен. От

него не исходило ни жадности, ни напряжения, ни желания срочно понравиться. Он был просто рядом — и этого оказалось достаточно.

Они встретились ещё раз через три дня. На этот раз он ждал её у кофейни после закрытия. — Решил, что хватит случайных встреч, — сказал он. — Если вы не против.

Маша не была против.

Они ходили по парку, сидели на скамейке у фонтана, разговаривали. Оказалось, что он много читает. Оказалось, что он любит море, но редко выезжает. Оказалось, что у него хорошая улыбка — не яркая, а скорее тёплая, как свет лампы в сумерках. Маша рассказывала ему о себе — о работе, о том, что всегда мечтала уехать на юг, но как-то не сложилось. Он слушал и не перебивал. И она не замечала, что он ни разу не удивился ни одному её слову. Как будто он уже всё это знал.

Часть 5

В конце июня Димон шёл к Машинному дому без особой цели. Просто ноги сами несли его по привычному маршруту — через двор, мимо детской площадки, к знакомому подъезду. Он не собирался заходить. Он вообще ничего не собирался. Просто шёл, а летний вечер был душным и светлым, и тополиный пух всё ещё кружился в воздухе, хотя пора его давно прошла.

Машина стояла у тротуара. Чёрная. Приземистая. С тонированными стёклами.

Димон остановился. Он уже где-то видел эту машину. Совсем недавно. Но вспоминать не стал — просто смотрел.

Дверь подъезда открылась, и вышла Маша. На ней было лёгкое платье, которого он никогда не видел, — светлое, с открытыми плечами. Волосы распущены. В руках — маленькая сумочка. Она не заметила Димона — она повернулась к машине.

Водительская дверь открылась, и из машины вышел мужчина. Высокий, широкоплечий, в одной рубашке с закатанными рукавами. Он обошёл капот и открыл перед Машей пассажирскую дверь. Она улыбнулась — открыто, тепло, так, как не улыбалась Димону уже давно. Мужчина закрыл за ней дверь и на секунду задержался, поправляя манжету.

Димон узнал его.

Не по лицу — лицо он не запомнил. А по жесту. Вот этому самому — поправить манжету, плавно, не глядя. Он видел этот жест однажды, когда стоял в очереди у ржавой двери и богатый клиент вышел наружу с золотисто-розовым флаконом в пальцах. Тот же человек. Теперь — здесь. С Машей.

Машина отъехала. Огоньки задних фар растворились в светлых июньских сумерках. Димон остался стоять у подъезда.

Он закурил. Пальцы дрожали. Внутри что-то шевелилось — не злость, не обида, а что-то живое. Что-то острое. Что-то, чего он не испытывал уже несколько недель. Он вдруг понял, что это, и от осознания ему стало тошно.

Ревность.

Самую обычную, грязную, человеческую ревность он испытал впервые с тех пор, как начал продавать себя по кускам. Она была горячей и колючей, как глоток неразбавленного спирта. И вместе с ней пришла мысль — тихая, вкрадчивая, как голос Шрама во время процедуры: «Сколько может стоять такое чувство?»

Он докурил, бросил окурок в лужу и пошёл домой.

Глава 7. «Эхо в полости»

Часть 1

В ломбард Димон пошёл на следующее же утро.

Он не спал почти всю ночь. Ворочался на смятых простынях, вставал курить, снова ложился, а перед глазами стояла одна и та же картина: чёрная машина у подъезда, Маша в светлом платье, чужой мужчина открывает перед ней дверь, и она улыбается ему так, как не улыбалась Димону уже давно. И ревность — горячая, колючая, живая — пульсировала где-то под горлом и не давала уснуть.

Он ненавидел это чувство. Не потому что оно было болезненным — боль он давно научился продавать. А потому что оно было сильнее его. Оно занимало место. Оно требовало внимания. Оно мешало функционировать.

От него нужно было избавиться.

Проулок за хлебозаводом встретил его привычной тишиной. Димон постучал три раза. Дверь открылась почти сразу.

— Ты сегодня рано, — сказал Шрам, пропуская его внутрь.

В процедурной пахло как всегда — пылью, старым деревом и сладковатым лекарством. Сегодня, правда, запах казался гуще обычного. Димон отметил это машинально и тут же забыл.

Он сел в кресло. Шрам встал у столика, взял чистый флакон, протёр его тряпочкой.

— Мне нужно продать всё, что связано с Машей, — сказал Димон.

Шрам поднял бровь.

— Это много.

— Я знаю.

— И что именно?

— Все разговоры на кухне. Все прикосновения. Все её улыбки, которые я ещё помню. Её запах. Её голос. И ещё... — он запнулся. — Вчера я почувствовал ревность. Это тоже хочу продать.

Шрам посмотрел на него долгим взглядом. Потом пожал плечами и взял ещё один флакон. Третий. Четвёртый... Он выставил их в ряд на столике.

— Тогда начнём.

Часть 2

Процедура заняла больше часа. Воспоминания уходили одно за другим — слоями, как снимают старую краску со стены. Сначала Машин смех, который он ещё помнил, — тот самый, когда она запрокидывала голову и шурилась. Потом её привычка пить кофе стоя, прижимая кружку к груди. Потом их первый разговор при свечах, когда в доме отключили свет. Потом её пальцы на его плече — лёгкие, почти невесомые.

Флаконы наполнялись один за другим. Жидкость была разного цвета: золотистая, тёплая жёлтая, бледно-розовая. Последний флакон — туда, куда ушла ревность, — получился мутно-зелёным, болотным, с тёмными прожилками.

Когда всё закончилось, Димон открыл глаза. Он знал, что была женщина по имени Маша. Помнил её адрес. Помнил, как она выглядела. Помнил даже, что когда-то ревновал её к кому-то. Но всё это лежало теперь отдельно от него — как досье, которое можно прочитать и отложить в сторону. Ни тепла. Ни горечи. Ничего.

Шрам запечатал последний флакон, убрал их в ящик и протянул конверт. Димон взял его и вышел.

На улице было солнечно. Он закурил и побрёл домой, пересчитывая деньги на ходу. Выходило прилично. На несколько недель вперёд. Он думал о том, что надо бы заплатить за квартиру, и о том, что кроссовки уже потрепались, и о том, что сигареты опять подорожали. Мысли были простые, бытовые, никак не связанные с женщиной, которая ещё вчера была смыслом его жизни.

Часть 3

Первое чужое воспоминание пришло ночью.

Он лежал на кровати, глядя на рыжие разводы на потолке. В голове было пусто и тихо — ни мыслей, ни образов. А потом — резко, без предупреждения — он оказался не в своей комнате.

Он стоял на коленях. Руки были связаны за спиной, и грубая верёвка врезалась в запястья. Под коленями — холодный бетонный пол, шершавый, с выбоинами. Стены вокруг серые, в потёках ржавчины. Где-то капала вода — мерно, с интервалом в секунду. Пахло сыростью, плесенью и чем-то сладковатым, тошнотворным.

Он не видел, где находится. Только стена перед глазами. Только бетон и ржавчина. Он попытался обернуться, но не смог. Тело не слушалось. Оно было чужим.

За спиной раздались шаги. Медленные, тяжёлые. Кто-то шёл к нему через подвал, и каждый шаг отдавался дрожью в бетонном полу. Потом шаги стихли. Кто-то стоял прямо за ним. Он слышал дыхание — хриплое, с присвистом.

Холодная рука легла на затылок. Пальцы были жёсткие, как железные скобы. И голос — тихий, почти ласковый — произнёс над ухом:

— Не бойся. Это быстро.

Димон рванулся — и очнулся.

Он сидел на кровати, хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то в горле. Руки дрожали. За окном стояла глубокая ночь, и тишина была такой плотной, что он слышал, как кровь пульсирует в висках.

Подвал исчез. Но запах остался. Сладковатый. Тошнотворный. Он висел в комнате ещё несколько секунд, а потом медленно растаял.

Димон закурил прямо в кровати. Пальцы не слушались. Он не знал, что это было. Просто странный сон, сказал он себе. Просто нервы. Просто показалось.

Часть 4

Через день пришло второе.

Он развозил заказы. Ехал по Четвёртой Парковой, объезжая яму, которую так и не заделали с прошлого года, — и вдруг мир раздвоился. Он видел дорогу перед собой, видел асфальт, припаркованные машины, но одновременно он снова был в подвале. Те же стены. Та же капаящая вода. И снова — шаги за спиной. Ближе. Ещё ближе. Холодная рука легла на затылок, и он почувствовал, как чужие пальцы сжимаются, надавливают, заставляя наклонить голову вперёд.

Велосипед вильнул. Димон врезался в бордюр и перелетел через руль. Ударился плечом о газон, перекатился и замер. Перед глазамиплыли круги.

Он сел, потирая плечо. Пальцы дрожали. Дорожная пыль медленно оседала на асфальт. И вместе с ней оседало что-то ещё — запах. Сладковатый. Теперь он узнал его точно. Так пахло в процедурной Шрама. Этот запах висел там всегда, Димон просто привык. А теперь он пришёл вместе с чужим воспоминанием.

Совпадение? Нет. Слишком точное совпадение. Он не знал, как это работает. Но что-то с ним происходило. Что-то, чего он не планировал.

Часть 5

К концу июня Димон перестал различать, где его воспоминания, а где — чужие.

Своих почти не осталось. За несколько недель он вычистил всё, что можно было продать: детство, юность, первую любовь, Машу, ревность, страх перед будущим. Внутри было стерильно и пусто.

Но пустота заполнялась.

Чужие обрывки приходили без предупреждения — днём, ночью, во сне, наяву. Он видел людей, которых никогда не встречал. Чувствовал запахи, которых никогда не нюхал. Испытывал страх, который не имел к нему никакого отношения. Иногда это были секундные вспышки: мелькнёт тень, дрогнет бетонная стена перед глазами, и всё исчезает. Иногда — длинные, связанные сцены, после которых он приходил в себя, не понимая, где находится.

Он больше не был собой. Он был сборником чужих жизней — случайных, перемешанных, неотсортированных. И среди этого хаоса всё чаще повторялось одно и то же. Подвал. Бетонные стены. Капающая вода. Шаги за спиной. Холодная рука на затылке. И голос — тихий, почти ласковый: «Не бойся. Это быстро».

И каждый раз, очнувшись, он чувствовал один и тот же сладковатый запах. Запах процедурной. Запах флаконов. Запах чужих жизней, которые теперь жили в нём.

Глава 8. «Серёга»

Часть 1

Серёгу Димон встретил случайно. После того апрельского вечера, когда Серёга не ответил на звонок, а потом и вовсе пропал из эфира, Димон решил, что тот загремел куда-нибудь. Может, в больницу. Может, в долговую яму. Может, просто исчез, как исчезают люди, которым не везёт.

Оказалось — нет. Не исчез.

Был конец июня, жаркий полдень. Димон вышел из кафе у метро — того самого, где когда-то работала Маша, и где он теперь иногда ужинал, когда конверты в ящике стола позволяли не считать мелочь. Он не то чтобы проголодался — скорее, убивал время. За последние недели он привык убивать время. Раньше он работал, ходил к Маше, ходил к Шраму. Теперь Маши не было. Шрам принимал его всё реже — своих воспоминаний почти не осталось, а за остатки давали копейки. Работа курьера приносила ровно столько, чтобы не умереть с голоду, но не больше. И Димон брёл через пустырь за гаражным кооперативом — старый маршрут, по которому он срезал путь домой.

Пустырь был завален строительным мусором: битый кирпич, обломки шифера, ржавые арматурины, торчащие из бетонных обломков. В дальнем конце, где бетонный забор упирался в покосившийся сарай, кто-то сидел на перевёрнутом ящике.

Димон сначала прошёл мимо. Потом обернулся.

Это был Серёга.

Он сидел неподвижно, привалившись спиной к бетонной плите. На нём была та же куртка, что и в апреле, — только теперь она висела мешком, будто Серёга высох внутри неё. Лицо осунулось, щёки впали, глаза смотрели в одну точку перед собой. Он не реагировал ни на звук шагов, ни на голос.

— Серёга? — позвал Димон.

Тот медленно, очень медленно поднял голову. Зрачки у него были мутные, как у старой собаки, и в них не отражалось ничего — ни удивления, ни узнавания, ни простого человеческого интереса. Просто взгляд, направленный в сторону звука.

— Димон, — произнёс он без интонации. Не спросил. Констатировал.

— Ты куда пропал? Я звонил тебе ещё в апреле. Ты трубку не брал.

Серёга моргнул. Долго. Как будто вспоминал, что такое «трубка» и зачем её брать.

— Телефон, — сказал он наконец. — Я его продал.

— Зачем?

— Не помню.

Димон сел на соседний ящик. Рядом валялась пустая пачка из-под дешёвых сигарет — таких же, какие курил Серёга. Он подобрал её машинально, повертел в пальцах, бросил.

— Ты как вообще? — спросил он.

Серёга долго молчал. Потом заговорил — медленно, с паузами между словами, будто каждое из них приходилось вытягивать из глубины.

— Сначала плохое продавал. Потом хорошее. Потом всё подряд. Думал, станет легче. Стало. А потом кончилось. Всё. Вообще всё.

— Что — всё?

— Всё, что было моим. Я теперь, — он замолчал, глядя на свои руки, — не знаю, кто я. Помню, что жил где-то. Помню, что работал с тобой. Но зачем я туда ездил, зачем вставал по утрам, зачем вообще что-то делал — не помню. Вернее, помню, но не чувствую. Как будто это был не я. Как будто я смотрел кино про чью-то жизнь, а теперь экран погас.

Он снова замолчал. Пальцы теребили край рукава — машинально, без всякого смысла.

— Не нужно было туда ходить, — сказал он тихо, глядя на свои руки. — Не нужно было продавать. Я думал — избавлюсь от плохого, и станет легче. Стало. А потом я не смог остановиться. Не смог. Каждый раз думал: ещё одно, последнее, и хватит. А потом шёл снова. Нужно было вовремя остановиться. Как только понял, что не могу без этого. А я не понял. Или не захотел.

Он замолчал. Опустил голову.

Димон сидел рядом и курил. Смотреть на Серёгу было всё равно что смотреть в кривое зеркало — черты не твои, но выражение узнаваемое. Он ничего не ответил. Да и что тут было отвечать?

— Ладно, — сказал он наконец и встал. — Я пойду.

Серёга не ответил. Он снова смотрел в одну точку перед собой, и лицо его было совершенно пустым. Димон постоял ещё немного, потом развернулся и пошёл через пустырь. У самого забора обернулся. Серёга сидел неподвижно, и со спины его можно было принять за груду тряпья, забытую кем-то на свалке.

Часть 2

Дома Димон сел на кровать и долго смотрел в стену. Слова Серёги крутились в голове, как заезженная пластинка. «Нужно было вовремя остановиться».

Он достал из ящика конверты. Пересчитал. Деньги ещё были — не много, но и не мало. Хватило бы на неделю спокойной жизни. Может, на две. Он вспомнил, как получил первый конверт у Шрама — за воспоминание о разбитой кружке. Тогда это казалось чудом: тебе платят за то, от чего ты сам хочешь избавиться. А теперь он сидел в пустой квартире, и внутри у него было так же пусто, и деньги не грели — просто лежали в ящике, как бумага.

Он мог бы остановиться прямо сейчас. Не ходить больше к Шраму. Попробовать жить на то, что есть. Но он знал, что не остановится. Потому что дело было не в деньгах. Дело было в пустоте, которая требовала либо заполнения, либо избавления. И он умел только второе.

И тут, прямо посреди этих размышлений, накатило.

Подвал. Бетонные стены. Капающая вода. Верёвка на запястьях. Шаги за спиной. Холодная рука на затылке. И голос: «Не бойся. Это быстро». Он чувствовал, как чужие пальцы сжимаются сильнее, надавливают, заставляя наклонить голову вперёд. Перед глазами — только бетонный пол с трещинами и тёмное пятно в углу. Он знал, что сейчас что-то случится. Что-то страшное. Необратимое.

Димон вскочил с кровати, хватая ртом воздух. Комната была пуста. За окном светило солнце. Но сладковатый запах висел в воздухе — отчётливый, густой, как будто кто-то открыл флакон прямо у его лица.

Он стоял посреди комнаты и дрожал. Он не знал, чьё это воспоминание. Не знал, кто эта жертва — мужчина, женщина, старик. Не знал, кто стоит за спиной. Но теперь он знал другое. Это был не сон. Это было реально. Где-то, когда-то это случилось на самом деле. С кем-то, кто пережил этот ужас, а потом продал его Шраму — чтобы забыть. И теперь этот кто-то жил в нём.

Серёга сказал: «Нужно было вовремя остановиться». Но было уже поздно. Ломбард давно поселился у Димона внутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.